

Владимиров Олег Николаевич

ОБРАЗ КРУГА В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ БУНИНА

Статья обращена к малоисследованной лирике Бунина последнего периода, особое место в котором принадлежит образу круга. Цикличное пребывание в мире бунинского героя и его возлюбленной подтверждено поэтизацией пространственно-временного круговорота. Идея круга мультиплицируется в различных кругообразных образах (венки, корона, колесо, нимб и др.), проявляется на разных уровнях произведений (в их композиции, речевой, ритмической, субъектной организации) и соответствует антиномичному пониманию лирическим "я" своей конечности и бесконечности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 65-67. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, «открытые структуры» в текстах неклассической парадигмы обладают двумя признаками. Во-первых, они основаны на «нанизывании» однотипных элементов, во-вторых, предполагают большой объем образующихся в результате этой операции рядов. Основная функция этих структур заключается в выражении на формальном уровне такой важнейшей установки неклассической парадигмы культуры, как отрицание иерархии.

Список литературы

1. Давлетьярова А. В. Особенности синтаксиса предложения в прозе русского постмодернизма: на материале произведений С. Соколова, Т. Толстой и В. Сорокина: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2007. 18 с.
2. Марьяна О. В. Повтор как интеграционное средство связи в художественных текстах русской прозы конца XX – начала XXI века // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 16. С. 109-114.
3. Нарбикова В. Около Эколо // Юность. 1990. № 3. С. 10-25.
4. Оршойа К. Карнавал и постмодерн // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2. Ч. 1. С. 151-154.
5. Покровская Е. А. Русский синтаксис в XX веке: лингвокультурологический анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2001. 435 с.
6. Современный русский язык / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; под ред. В. А. Белошапковой. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
7. Соколов С. Школа для дураков. Между собакой и волком. М.: Огонек-Вариант, 1990. 384 с.
8. Beckett S. Watt. Paris: Les Éditions de Minuit, 1968. 272 p.
9. Brogan J. V. Part of the Climate: American Cubist Poetry. San-Francisco: University of California Press, 1991. 290 p.
10. Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie. Paris: Minuit, 1972. Vol. 1. L'Anti-Édipe. 494 p.
11. Fokkema D. W. The Semantic and Syntactic Organization of Postmodernist Text // Approaching Postmodernism. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1986. P. 81-98.
12. Hawthorn J. A Glossary of Contemporary Literary Theory. London: Edward Arnold, OUP, 1994. 329 p.
13. Johnson B. S. The Unfortunates. London: Secker & Warburg, 1969. 288 p.
14. Le Clézio J. M. G. La Fièvre. Paris: Gallimard, 1991. 252 p.
15. Pinget R. Quelqu'un. Paris: Les Éditions de Minuit, 1965. 264 p.
16. Sollers Ph. Passion fixe. Paris: Gallimard, 2000. 416 p.

“OPEN” LINGUISTIC AND SPEECH STRUCTURES IN THE FICTION OF NON-CLASSICAL PARADIGM

Verdesh Anush Andranikovna

Southern Federal University

minasyan-90@mail.ru

In the article the functioning of parataxis and repetition in the Russian, English and French literary works of non-classical paradigm is considered. The author singles out the common features of parataxis and repetition (the principle of “threading” and potential infinity of the series), grounds the use of the notion “open structure” for these phenomena understanding and identifies their connection with the directions of non-classical paradigm of culture.

Key words and phrases: parataxis; asyndeton; homogeneous parts; repetition; non-classical literature; open structures.

УДК 82-14

Филологические науки

Статья обращена к малоисследованной лирике Бунина последнего периода, особое место в котором принадлежит образу круга. Цикличное пребывание в мире бунинского героя и его возлюбленной подтверждено поэтизацией пространственно-временного круговорота. Идея круга мультиплицируется в различных кругообразных образах (венок, корона, колесо, нимб и др.), проявляется на разных уровнях произведений (в их композиции, речевой, ритмической, субъектной организации) и соответствует антиномичному пониманию лирическим «я» своей конечности и бесконечности.

Ключевые слова и фразы: Бунин; лирика; круг; система повторов; антиномичность; содержательность художественной формы.

Владимиров Олег Николаевич, к. филол. н., доцент

Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета

vlati-oleg@yandex.ru

ОБРАЗ КРУГА В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ БУНИНА ©

«Подсказанный» молодому поэту его наблюдениями над природой образ круга является центральным образом в бунинской лирике последнего периода, структурирующим её в единое целое. О «вечно вращающемся круге бунинского мировосприятия» писал Ф. Степун: «В основе бунинского мироощущения

не лежит, а неустанно вращается некий трагический круг: предельно напряжённое чувство жизни (отсюда зоркость его глаз – их у него две пары: орлиные на день, совиные на ночь); жажда жизни и счастья, неутолимость этой жажды... – затем срыв, скорбь, смерть... И тут же упоение красотой скорби, восторг о бессмертии смерти... – затем снова срыв, скорбь, смерть, страх» [7, с. 391].

Циклично пребывание в мире лирического «я». Здесь достаточно назвать известные стихотворения «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...», «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...», развивающие мифологему блудного сына: его уход из родного дома и возвращения (невозможности возвращения) к нему. В стихотворениях «Встреча», «Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива...», «Разлука» время циклично, движется не по оси, а по кругу, вневременность синонимична круговой бесконечности. Выйдя из «круга земного, настоящего дня» [1, с. 357], полнее и острее ощутив свою надындивидуальность, «я» во встречной женщине узнает ту, которую встречал «стократ» в течение своего вечного пребывания в мире («Встреча» [Там же, с. 377-378]). (Ср.: «В Песни Песней есть своя логика и гармония – не последовательного, а кругового сюжетного движения, проходящего опять и опять через мотивы встречи и расставания, искания и обретения» [8, с. 216].)

В извечном круговороте находится всё вокруг него. Повторяемость у Бунина антиномична. С одной стороны, всё, что обнаруживает регулярность, приводит к ощущению абсурдности. Не случайно непонятная герою любовь соизмеряется с непонятными же природными ритмами: «Только камни, пески, да нагие холмы, / Да сквозь тучи летящая в небе луна, – / Для кого эта ночь? Только ветер, да мы, / Да крутая и злая морская волна. // Но и ветер – зачем он так мечет ее? / И она – отчего столько ярости в ней? <...> Я и нашей любви никогда не пойму...» («Только камни, пески, да нагие холмы...» [1, с. 426]; ср. со стихами «Разлука», «Льет без конца. В лесу туман...»). С другой – извечная повторяемость всего и вся спасительна для осознющего приближение конца лирического «я». В стихотворениях «В рощах Урвелы» и «Нет Колеса на свете, Господин...» эта противоречивость выражается на материале буддийской и даосистской образности.

Рекуррентны многие детали в бунинской лирике. Часто наблюдаемый закат [Там же, с. 370, 416, 421, 426, 428, 429] сменяется периодически восходящей Луной («Луна», «Восход луны»), её «ясным кругом» [Там же, с. 379], «светом лунным, вечным, неизменным» [1, с. 318, 366, 372, 380, 381, 382, 412, 416, 424, 426, 428, 431; 5, с. 230, 231]. Взгляд стареющего, одинокого, бездомного и обездоленного бунинского героя – это взгляд ночной, «лунный», соотносённый с вечностью. Но в этой покорности земной судьбе «стоящего со сжатыми скулами» [1, с. 420] есть всё же скрытое несогласие с извечным ходом вещей: в стихотворении «Звезда, воспламеняющая твердь...» цикличному движению луны противопоставлена моментальность горения и падения звезды: «Звезда, воспламеняющая твердь, / Внезапно, на единое мгновенье, / Звезда летит, в свою не веря смерть, / В свое последнее паденье. // А ты, луна, свершаешь путь земной, / Теряя блеск с минуты на минуту, – / И мертвецом уходишь в мир иной, / Испив по капле смертную цикуту!» [Там же, с. 424]. (Ср. с предпочтением сгоревшего, «как искромётный метеор», героя трусу, сердце в котором «чуть тлеет: / Как огонек под кизяком», в стихотворении «Мудрым» (<1903-1906>) [Там же, с. 174].)

Круговому пути луны соответствует «ветер приходящий, уходящий» («В дачном кресле, ночью, на балконе...»), круговращение волн («Качаюсь, плескаюсь – и с шумом встаю...»), так же и дни лирического «я» «проходят чередой, / Ведут свой круг однообразный...» («Зарос крапивой и бурьяном...» – [Там же, с. 423]). В «наброске» «В аллее перед старым домом...» бунинский герой признаётся: «На старый лад в быту знаком / Душа печалится моя. / Она к истоку воротилась, / Свершив далекий, долгий путь» [5, с. 231].

Герой, «глядя вокруг» [1, с. 380], «вкруг» себя [Там же, с. 411], замечает не только «ясный круг луны» [Там же, с. 379], но и то, что «сомкнулась степь синееющим кольцом» [Там же, с. 414], что «великим кругозором синееет даль окрест» [Там же, с. 415], что «Белые круглятся облака...» [Там же, с. 359], «облака в предутреннем огне / Цветут и округляются, как розы» [Там же, с. 380], что «буйный шум... всю ночь стоит окрест» [Там же, с. 379]. Яга признаётся, что островок Буян «Окружен со всех четырех сторон / Тьмой да мглой сырой» («Русская Сказка. Дней Ленина» [Там же, с. 369]). Отдельное стихотворение посвящено Колизею («Колизей»). Чаще, чем другие поэты, Бунин изображает достаточно редкую в русской лирике радугу [Там же, с. 354, 360, 370]. (О радуге в русской поэзии см.: [9, с. 290].)

Пространственно-временная цикличность дополняется «округлым» поведением животных: Стрекоза «стоит» и «шепчет, шепчет сон бессонный» («Бред» [1, с. 417]; «страшные, бессонные стрекозы» упомянуты в «Русе» [4, с. 51]), непрерывен «звон кузнечиков бессонных» [1, с. 314], «томят, пьянят короткие круги, / Размеренно-неслышные шаги» пантеры, глядящей «в себя, в свой жаркий сон» («Пантера» [Там же, с. 376]) (ср.: «Глаза... глядели как-то внутрь себя – с тусклой первобытной истомой» – «Камарг» [4, с. 223]). Краткий рассказ «Петухи» написан ради слова «опевают» («петухи опевают ночь» (курсив автора – О. В.) [2, с. 426]); «опевают» – как бы обводят песенной каймой. «...Чего стоит эта ворожба кругообразных, непрестанных движений (“и днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом”)...», – вспоминает Арсеньев «поразивший» его в детстве «колдовской пролог к “Руслану”» [3, с. 37-38]. Сон во сне или многослойный сон – вариант круга – част в бунинской прозе 20-30-х годов.

Идея круга мультиплицируется в частых «венках» и «венцах» («Венчик», «Венки» (заглавия стихотворений) [1, с. 327, 367, 370, 371, 380, 425], в «колеснице», «колесе» [Там же, с. 413-414], «короне» [Там же, с. 382, 417, 421], «ожерелье» [Там же, с. 374], «обручении со схимой» [Там же, с. 373], «нимбах» [Там же, с. 354, 422], «диске зеркальном» [Там же, с. 350], «золоченых маковках» [Там же, с. 368], «златокowanych мелких шишаках» [Там же, с. 366]). Тавтологические смежные рифмы в стихотворении «Порыжели холмы, зноем выжжены...» («хребтов-хребтов», «цветов-цветов», «дали-вдали»; причём первые две пары

рифмуются между собой, а последняя усилена однокоренным определением «далекой» [Там же, с. 425]) – это круг в круге, так как любая рифма – круг по определению. Содержателен анадиплосис «вновь – вновь» во «Встрече», усиливающий повторяемость события, которое передано этим трижды повторяющимся наречием времени. В «Гроуте» зарифмованы округлые «свод» и «хоровод» [Там же, с. 351]. О переживаемом бунинским героем цикличном времени свидетельствуют двустишия, которыми написаны «Первый соловей», «Ранний, чуть видный рассвет...», «Газелла». Прав был Набоков, назвавший повторы «основным ритмом», «ритмическим ключом» для «различения» бунинской поэзии [6, с. 2].

Круг – это возврат к себе прежнему, человеку и поэту, предполагающий ретроспекцию, воспоминания, автореминисцентность. Цитирует себя, начинающего поэта, бунинский герой в стихах «Опять холодные седые небеса...», а себя, молодого, обещающего поклониться любимой «за любовь мою», если встретит её в раю, – в стихотворении «Под окном бродила и скучала...» [1, с. 431]. «У меня их нет, – ни начала, ни конца», – утверждает и развивает эту мысль повествователь в эссе «Ночь» [2, с. 300]. Перстень на родовом гербе Арсеньевых назван рассказчиком «эмблемой верности и вечности» [3, с. 8]. Книга четвёртая «Жизни Арсеньева» заканчивается сюжетным кольцом. «Это непостижимо странно – встретиться всего два раза в жизни и оба в сообществе смерти» [Там же, с. 187], – говорит герой о мимолётной встрече в юности с великим князем, сопровождавшим царский траурный поезд, перед тем как отправиться на панихиду, посвящённую памяти своего царственного соседа. Катя в «Митиной любви» декламирует строки из стихотворения «Кольцо» Бальмонта: «Меж нами дремлющая тайна, / Душа душе дала кольцо...» [2, с. 182]. О «круге» семьи, утраченном или утрачиваемом, говорится в стихах «Сириус» и «Петух на церковном кресте».

Значимой является кольцевая композиция в стихотворении «Ночь» 1952 г. («Ледяная ночь, мистраль» – «Холод, блеск, мистраль»): она подчёркивает понимание бунинским героем замкнутости Богом данного человеку «круга земного». «Мистраль» в первой и последней строке стихотворения отсылает к ветру Екклесиаста, возвращающегося на круги свои (Еккл. 1:6). Неслучайность этого сравнения подтверждается соответствием «Ночи» другим местам этой книги: стихи о невыразимом (сквозная у Бунина тема) – «Знает только он мою / Мертвую печаль, / То, что я от всех таю...» [1, с. 382] – напоминают, с одной стороны, о том, что «...не может человек пересказать всего» (Еккл. 1:8), а с другой – об известной сентенции «...во mnogой мудрости много печали» (Еккл. 1:18).

Всегда присущее бунинскому герою ощущение повторяемости всего и вся теперь снимается усиленным чувством вневременности его жизни, чувством наступившей «молодой старости», «несрочной весны» (оксюморон из стихотворения «Старая яблоня» 1916 г. и восходящее к Баратынскому заглавие рассказа 1923 г.). Открытая в раннем творчестве повторяемость, ритмичность природных явлений переносится далее на повторяемость и предсказуемость исторических судеб, а в поздней лирике – на цикличность личного пребывания в мире, вечное возвращение и встречу с тем и теми, с чем и с кем уже встречался в предшествующих воплощениях. В этом выражается бунинская версия популярного в XX веке архаического мифа о вечном возвращении. Стареющий бунинский герой всё отчётливее воспринимает отсветы незримого «света незакатного» [Там же, с. 357], всё чаще слышит «зов, печаль времен» [Там же, с. 378]. Однако он не может смириться с конечностью, замкнутостью этого, данного ему сейчас, здесь, «круга земного».

Список литературы

1. Бунин И. А. Собр. соч.: в 8-ми т. М.: Московский рабочий, 1993. Т. 1. Стихотворения 1888-1852. 540 с.
2. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9-ти т. М.: Худ. литература, 1966. Т. 5. 544 с.
3. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9-ти т. М.: Худ. литература, 1966. Т. 6. 340 с.
4. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9-ти т. М.: Худ. литература, 1966. Т. 7. 400 с.
5. Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. 696 с.
6. Сирин В. (Набоков В. В.) Ив. Бунин. «Избранные стихи». Париж, 1929 // Руль. Берлин, 1929. 22 мая. С. 2-3.
7. Степун Ф. А. Рец. на кн.: Ив. Бунин. Избранные стихи. Издательство «Современные записки». Париж, 1929 // И. А. Бунин: *pro et contra*. СПб.: РХГИ, 2001. С. 390-394.
8. Эпштейн М. Н. Онтология любви: Эдем в Песни Песней // Звезда. 2008. № 3. С. 204-216.
9. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 304 с.

THE IMAGE OF CIRCLE IN THE LATE LYRICS OF BUNIN

Vladimirov Oleg Nikolaevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University
vladi-oleg@yandex.ru

The article is devoted to the little-investigated lyrics by Bunin of the last period where a special place belongs to the image of circle. The cyclical stay in the world of the Bunin's hero and his beloved is confirmed by poetization of the spatiotemporal circulation. The idea of circle is multiplied in various circular images (wreath, crown, wheel, nimbus etc.), it is manifested at different levels of the works (in their composition, speech, rhythmic, subject organization) and corresponds to the antinomic understanding by the lyric "I" of its finiteness and infinity.

Key words and phrases: Bunin; lyrics; circle; system of repetitions; antinomicity; pithiness of the art form.